

Глава 1

СТАРИК ЛОМАЕТ МОЮ ЖИЗНЬ

Выпрыгнуть из окна сложнее, чем кажется. Сбежать от моего отца? Ещё труднее. Его крупные руки ловят меня в прыжке, вонзаются в плечи, словно соколиные когти, швыряют на пол так, что я обдираю колени о поросшие мхом доски. За окном позади меня шумит залитая солнцем толпа, топорщится яркими транспарантами. Ещё немного, и я бы присоединилась к шествию. Совсем чуть-чуть, и я бы познакомилась с ним! А мне приходится торчать здесь, выслушивая очередную лекцию. Вот здорово-то!

— Леда, что я говорил о прыжках из окон? — требовательно спрашивает высокий мужчина с гладкой лысиной. Лохматая каштановая борода и внушительный живот делают его похожим на плюшевого медведя, из-за чего я частенько лезу к нему с объятиями. Но не сегодня. Сегодня у меня просто нет на это времени.

— Не прыгать, пока не надену красивую обувь для церемонии? — пишу я. Будь проклят мой высо-

кий детский голос! Он всегда звучит так, словно я на нервах. Но вообще-то, если хотите знать, я всегда спокойна. Возможно, поэтому родители подумывают заколотить моё окно.

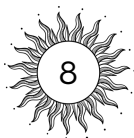
— Папочка! Папуля! — в спальню влетают двое малышей. Мак и Нелла — мои надоедливые младшие брат и сестра. У обоих русые растрёпанные шелюры и вечно грязные пальцы. Этими грязными пальцами они и цепляются за ноги отца, увлекая его от меня.

Он кряхтит и щиплет меня за нос:

— Иди, готовься с остальными. Я не хочу, чтобы самая классная из моих дочерей плохо выглядела на церемонии.

Он отворачивается от меня, уделяя всё внимание малышам, а мне остаётся только хандрить, пока они заливаются смехом. Ну и ладно. Пожалуй, я сделаю, как он просит, раз уж прокрасться мимо не получается. Я проталкиваюсь в посудную лавку, примыкающую к фасаду нашего дома, принадлежащую моей семье.

Первым меня встречает крепкий запах мха. А сразу за ним — звон крошечных стеклянных фигурок, тесные мощёные булыжником стены и неприветливые витрины, обычно служащие обозначением входа в лавку. Сегодня здесь собралось много людей. В смысле — в лавке всегда много людей, ведь вместе с мамой и папой нас самих получается девять человек. Но сегодня мы пригласили ещё и соседей. Шум и гам стоит такой, что меня снова тянет сигануть в окно. Дети спорят о том, какие именно кожаные перчатки без пальцев следует надеть, пока женщины вплетают им в волосы морские цветы, а мужчи-

ны толкут ягоды в деревянных кадках. Все суетятся в преддверии сегодняшней церемонии выбора, но к чему такое усердие, если мы опоздаем и Небесный всё равно нас не заметит? Как он может выбрать лучшее Солнце, не посмотрев всех кандидатов?

Я вздыхаю. Меньшее, что я могу сделать, чтобы хорошо выглядеть перед Небесным, — надеть сандалии. А после, возможно, снова попробовать сбежать. Я нехотя протискиваюсь поближе к детишкам, дерущимся из-за перчаток. Сандалии должны лежать на полках прямо за ними.

— Я хочу тёмные! — сопит одна из девчонок.

— Но они мои, бабушка купила их для меня, — не сдаётся мальчик.

— Эй, малышня, — вклиниваюсь я.

— Она сказала, что я могу их надеть.

— И мне сказала, — настаивает другая девчушка.

— Ну-ка, кыш, дайте пройти! — я срываюсь на крик.

Наконец дети обращают на меня внимание и пятятся, образуя просвет в густой толпе. Чувствуя вибрацию потных тел, напирających мне на плечи, я тянусь к полкам, где лежит пара кожаных сандалий. Как вдруг маленький мальчик с пухлыми щёчками хватает их прямо у меня из-под носа. Это Гэбриэль. Мой второй младший брат. Хихикая надо мной, он улепётывает играть со своими друзьями. Тьфу ты! Закатив глаза, я шарю под полками в поисках другой пары. Вот тогда-то до меня и долетают шепотки.

— Кто эта девочка? Та, что кричала? — интересуется высокая девушка. Меня бросает в жар, а тело напрягается как струна.

Мне казалось, Мира запомнила моё имя. Мы же болтали с ней вчера.

Мальчик рядом с Мирой пожимает плечами:

— Даже не знаю. Наверное, одна из дочерей Руби. Я помню, Алек говорил, что у него есть две младшие сестрёнки.

Шероховатая поверхность полок неприятно щекочет ладони. Я никак не могу нашарить сандалии.

— Серьёзно? Ещё одна сестра? — она слегка наклоняет голову. — У Руби так много детей, что я запоминаю только интересных.

Интересных? Я чуть не плачу, выбираясь из оравы ребятишек. Всё это глупости. Кучка ребят постарше не заставит меня грустить перед церемонией.

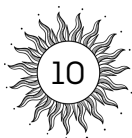
Подойдя к банке, украшенной голубыми цветочками, я всё равно сникаю. Внутри запотевшей стекляшки ничего не осталось. Ну, здорово! Единственная девочка без морских цветов в волосах, я стану посмешищем Валенда! И тогда Небесный уж точно меня не выберет.

Я перегибаюсь через прилавок, чтобы весёлая женщина, окружённая стайкой подруг, меня заметила. Она смеётся, заплетая волосы какой-то малышки, и её смех звоном отражается от стеклянных статуэток, горшков и чашек.

— Мама! У тебя есть ещё...

— А потом я объяснила ему, куда бы ему следовало... — как ни в чём не бывало, продолжала она.

Я сердито топаю ногой, и женщины наконец-то оборачиваются в мою сторону, но всё равно словно не видят. Их затуманенные взгляды устремляются сквозь меня и цепляются за кричащих детей и шумящих мужчин за моей спиной.

— У тебя есть ещё цветы?

— Ой, а разве я тебя ещё не заплела, Нелла? — спрашивает мама, глядя, как моя старшая сестра Айрин украшает сверкающими лепестками свои чернильные волосы.

— Я не Нелла, мама, — ворчу я.

Я ведь даже не похожа на свою младшую сестрёнку. Ей всего шесть!

— Ой, прости, милая. Цветов не осталось, — отмахивается она и возвращается к беседе с подругами.

Я вздыхаю и на цыпочках прокрадываюсь к двери. Тяну её на себя и оглядываюсь на отца. Он тоже занят болтовнёй. По крайней мере, теперь я вольна уйти пораньше!

За порогом меня приветствуют запах морской воды и кольцо жутких чёрных гор. Мой дом расположен на самом краю деревни рядом с Рассветными горами — горной грядой, выросшей из моря и отгородившей нашу страну от остального мира. Я шевелю пальцами ног в сосново-зелёной траве, и улыбка расцветает на моём лице. Сегодняшний день изменит всю мою жизнь. Сегодня я стану...

— И долго ты будешь тут траву мять?

Мальчик моего возраста поднимает голову от книги. Я не часто с ним болтаю, но узнаю его чёрные кудри где угодно. Хорхе Макос. Парнишка с фермы, который самостоятельно научился читать.

— Столько, сколько нужно, чтобы улучшилось моё настроение, — я скрещиваю руки на груди и шевелю пальцами ещё усерднее. Хорхе в ответ прищуривается.

— Эй, по крайней мере, я не трачу время на ерунду вроде книг!

Хорхе переворачивает страницу:

— Я читаю, потому что у меня есть мечта. Однажды я поступлю в Эвинскую академию для одарённых детей. А ты, небось, и не знаешь, что значит мечтать.

— У меня тоже есть мечта!

Мальчик удивлённо вскидывает бровь.

— Моя мечта гораздо лучше какой-то там школы-интерната, пусть даже самой престижной в столице. Кто вообще мечтает о школе?

— Я хочу стать следующим Солнцем. — От одной только мысли о том, что я стану следующей героиней Солии, у меня по спине бегут мурашки. Толпы болеют за меня, пока я сражаюсь с монстрами. Люди ликуют, когда я наконец разрушаю Рассветные горы. Скорее бы это стало реальностью! — Я тренируюсь уже много лет: упражняюсь в бою на мечах с метлой и отжимаюсь по утрам. Это тебе не шуточки.

— Хочешь, чтобы Небесный выбрал тебя? — фыркает Хорхе. — Это ещё безумнее поступления в Эвинскую академию.

— Чем безумнее мечта, тем она лучше. — Я оправляю платье. — Я собираюсь попасть на церемонию пораньше, чтобы успеть занять место в первых рядах. Увидимся позже!

Я бегу к центру нашей деревни. Травянистые поля сменяются грунтовыми дорогами, окаймлёнными дикорастущими цветами.

— Эй, подожди! — Хорхе спешит за мной, на бегу чуть не сшибая долговязую женщину. Его губы искривляются в ухмылке. Ну здорово. Сейчас снова начнёт меня дразнить. На моё удивление, его ухмылка превращается в улыбку. — Хочу поглядеть на лица

людей, когда Небесный объявит следующим Солнцем девушку из Валенда!

Я улыбаюсь ему в ответ. Быть может, он не так уж и плох. Мне просто нужно убедить его не тратить силы на школу. Мама до сих пор рассказывает страшилки о том, как она по случайности училась в одной из них, торгуя стеклом в Эвине. Ну, когда у неё есть минутка со мной поговорить. Шестеро детей, помимо меня, да ещё и управление лавкой отнимают всё её время.

— Кроме того, ты забыла вот это, — он лезет в карман и протягивает мне светящийся голубой цветок. Его лепестки скручиваются, словно рыбы плавники, и пахнет он морской водой (как и всё в моей деревне). А стебелёк у него вьющийся и лунно-белый.

— Морской цветок, — бормочу я, а у самой словно комок в горле застрял. — Спасибо! Где ты его взял?

— Я сорвал его на краю утёса для своей мамы. Но, оказалось, он ей не нужен. У неё уже собрана целая куча. — Хорхе бросает цветок мне, и я прилаживаю его за ухом. — Мне пришлось побороться с парочкой океанских едоков, чтобы раздобыть его.

Я дотрагиваюсь до своего уха:

— Ради него ты сражался с монстрами и карабкался на скалу? Это очень круто! — хвалю я Хорхе и снова устремляюсь к центру Валенда.

Множество людей с такими же, как у меня, каштановыми волосами и глазами уже там и ждут начала церемонии. Шелковистая тёмно-фиолетовая ткань транспарантов гуляет на ветру и касается моих плеч. Стены вросших в скалы домов сдавливают толпу, заставляя эхо нервного шёпота и топота ног далеко раз-

носиться вдоль узких деревенских улочек. В воздухе висит стойкий аромат расплывшихся полевых цветов, кожаные элементы одежды и потные спины сливаются передо мной в одно сплошное пятно. Каким-то чудом мы с Хорхе пробираемся в первые ряды, туда, где несколько ребятшек, то и дело одёргивая свою толстую одежду, ковыряют носками сандалий грязь.

— Дамы и господа, прошу любить и жаловать — великолепный Небесный! — гремит лорд Валенда поверх голов с импровизированной деревянной сцены. Она вся испещрена дырами, и от неё несёт крысиной шерстью и человеческим потом. Не самое лучшее первое впечатление, которое можно произвести на гостя. Или на впечатлительную публику, наблюдающую за церемонией. Я стараюсь не обращать внимания ни на кулисы, сшитые из занавесок, ни на скрипучие старые доски, ни на вонь.

Я во все глаза гляжу на жилистого мужчину на сцене. Небесный. Единственный живой человек из всех, кого я встречала, кто знает, что находится за Рассветными горами. Если это не показатель крутости, тогда что показатель?

Пурпурно-синяя мантия на нём расшита серебром и украшена созвездиями. Тончайшая ткань выглядит гладкой, словно щёчка младенца. У Небесного карие глаза и длиннючая, цвета штормового неба, седая борода. Я уверена, его борода самая длинная из всех когда-либо существовавших бород! Для меня это последняя капля. Он официально накрутейший человек из всех живущих.

— Мне очень приятно наконец посетить В... — Небесный сверяется с лежащим перед ним листком бумаги. Конечно, он забыл название моей деревни.

Валенда нет ни на одной солианской карте. — Валенд, такую милую деревушку.

Небесный откашливается и оглядывает толпу острым взглядом. Основная масса сельских жителей наводняет просёлочные дорожки во все стороны, насколько хватает глаз. Некоторые сидят на травянистых прогалинах в тенёчке. Кто-то высовывается из окон своих домов и щурится, сиюсь разглядеть мужчину на сцене.

— Веками люди из моего мира, чудесного мира за пределами Солии, отправляли одного человека в опасное путешествие через Рассветные горы, запершие вас на скудной земле, полной опасных монстров. В надежде, что наши бесценные знания помогут спасти вас от этих ужасов, — торжественно произносит Небесный.

Его голос напоминает о перезвоне колокольчиков и уютном треске очага. Толпа подаётся вперёд, внемля этому тёплому голосу.

— Сегодня я воспользуюсь этими знаниями, чтобы выбрать ваше новое Солнце.

Не помня себя от радости, я вытягиваюсь на цыпочках. Мои щёки пылают от полуденного солнца и широкой улыбки.

— Этот ребёнок вырастет спасителем Солии и встанет на вашу защиту против кровожадных монстров и коварных преступников на последующие пятьдесят лет. До тех пор, пока следующий Небесный не вернётся, чтобы выбрать новое Солнце. Этому ребёнку, как и двадцати четырём его предшественникам, суждено попытаться, а может, и преуспеть, разрушить Рассветные горы и вернуть Солии её свободу и былую славу.

